

ТЕРМИН «ИНОРОДЦЫ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЭТИМОЛОГИЯ, ПОДХОДЫ, ПРИМЕНЕНИЕ

Ю. А. Орешкова

Научный руководитель: В. Н. Асочакова

Статья посвящена анализу термина «инородцы» в историческом контексте. Автор рассматривает этимологию, время появления понятия в российской законодательной лексике и введение в оборот в качестве обобщающего наименования коренных народов Сибири. Представлены основные подходы в изучении исследуемого понятия в период Российской империи и современности.

Ключевые слова: инородцы, историография, Хакасско-Минусинский край, «Устав об управлении инородцев», автохтоны, ориенталистский подход.

Административно-территориальное деление в полиэтничной Российской империи не отличалось четким управлением. Состав населения характеризовался особыми социальными категориями на основе этнического, вероисповедного и сословного признаков. Для обозначения нерусского населения в законодательном и повседневном дискурсе использовалась разная терминология.

В официальных источниках XVII – начала XVIII вв. основным обобщающим наименованием коренных народов Сибири выступал термин «иноземцы» [1; 2], который во второй половине XVIII в. был окончательно вытеснен понятием «ясачные». Сохранял свою актуальность и термин «иноверцы».

В 1822 г., после принятия «Устава об управлении инородцев», автохтонные народы Сибири впервые стали официально именоваться понятием «инородцы» [3, с. 394–416]. В широком смысле «инородцами» стали называться «все подданные Российского императора, не относившиеся к славянским народам» [4].

Обращаясь к истории появления термина «инородцы» необходимо рассмотреть его этимологию. Частица «инь» обозначала в древнерусском языке «один» (инрог / инорог – единого, иносельники – вместе живущие). Со временем эта частица стала преимущественно обозначать «некоторый, какой-то, другой». С этим значением связан целый ряд слов, указывающий на особенность/инаковость происхождения человека или категории людей в средневековой Руси, их этнокультурной, вероисповедной принадлежности и подданства. В исследовании И. И. Срезневского понятия «иноплеменник», «иностраник» и «иноземец»/«чужеземец» соотносится с древнегреческими словами *ἀλλογενής*, *ἀλλοδαπός*, а термин «инородный» – с *ἑτεροθαλής*. Инородные трактуются им как «разнородные», то есть обозначал «рожденного от другой матери или отца» [5]. Соответственно, изначально термин «инородный» использовался в средневековой русской книжности для обозначения отсутствия, либо нарушения кровного родства в противоположность сродству/единородству. Он не нес смысловой нагрузки, связанной с отличиями по принадлежности к какому-либо этносу или государству [6, с. 118].

Традиция исследования термина «инородцы» берет свое начало, начиная с XIX в. За это время был накоплен немалый опыт, раскрывающий разные аспекты существования «инородцев» как общности, включая аспект взаимодействия с государственной властью и некоторые особенности быта. При этом, исследователь А. Ю. Ледовских [7] отмечала что, очевидцы-исследователи хоть и обсуждали проблемы, связанные с коренными народами Сибири, но не придавали им особого значения и актуальности. Для многих из них история Сибири начиналась с прихода Ермака и была, в первую очередь, историей русских в этом крае. Так, просветитель XIX в. К. В. Ельницкий в своих этнографических очерках «Инородцы Сибири» (1895) указывал, что «сибирские татары – потомки тех татар, которых русские встретили при покорении Сибири» [8, с. 16]. Однако выход трудов Г. Ф. Миллера, Г. Спасского, П. А. Словцова, Д. Н. Анучина и др. позволил несколько по-другому оценить историю Сибири и ее жителей.

Придавая особое значение изучению и актуальности вопроса в условиях этнического кризиса, обуславливающего необходимость глубокого понимания разделения «своего/чужого», современные ученые по-разному оценивают категорию «инородцы», выделяя по сути два подхода в изучении вопроса – «этнополитический» и «сословный», существовавшие в Российской империи [9, с. 171].

В современной историографии в отношении термина «инородцы» выделяется новый ориенталистский подход, в основе которого лежит концепция этногенеза и пассионарности Л. Н. Гумилева. В рамках ориенталистского подхода рассматривается значимый в культурологическом отношении имагологический аспект, когда образ «инородца» формируется через восприятие представителя другой культуры, посредством восприятия собственной идентичности через познание «другого» [10]. В таком дискурсе к образу сибирского «инородца» обращаются современные исследователи А. В. Гимельштейн [11], А. Ю. Ледовских [7], Н. Н. Родигина [12], М. В. Тарасова [13] и др.

Однако, по мнению исследователей А. Б. Панченко, О. Н. Стафеева и др., ориенталистский подход является «значительным упрощением реальной ситуации». Они полагают, что «рассмотрение категории инородцев исключительно как обозначения этнических общностей, противопоставленных русскому этносу, представляется некорректным и не учитывающим специфики Российской империи» [9, с. 165]. По их мнению, для определения инородческого вопроса в разных дискурсах необходим многофакторный подход, предполагающий выделение различных акторов, определение их интересов, мотивов, особенностей применения тех или иных терминов.

При этом существует мнение, согласно которому «инородцы» – это объективизирующий и генерализирующий термин, который «будто бы позволяет избегать ошибок при назывании того или иного народа, но по сути играет важнейшую роль в конструкции колониального дискурса, так как отделяет русских от нерусских народов в составе России, создает оппозицию «Мы» и «Они», превращая множество народов в одну гибридную народность – «инородцы», «инородческое кочевое население», т. е. в единый образ «Других» [14, с. 171].

Соглашаясь с вышеуказанными исследователями, предлагаем под «инородцами» понимать феномен, включающий этническую и социальную категории, призванный отделить ряд общностей от «природных русских» и, таким образом, выступающий в качестве средства конструирования образа «иноного» или «чужого» с учетом многофакторного подхода. К примеру, рассматривая повседневную жизнь Хакасско-Минусинского края, считаем необходимым учитывать многие акторы, включающие особенности быта и мировоззрения автохтонного населения.

Так, во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Енисейской губернии к «инородцам» были причислены хакасы – тюркский автохтонный народ, проживающий преимущественно в Южной Сибири на левобережье Хакасско-Минусинской котловины. По «Уставу об управлении инородцев» М. М. Сперанского хакасы как исконные скотоводы были отнесены к разряду «кочевых». Автохтоны делились на четыре этнические группы: сагайцы, качинцы, койбалы и кызыльцы. Такой административный и правовой статус определил систему деления на улусы и стойбища, каждый из которых получил родовое правление. Согласно «Уставу» среди хакасов устанавливалось трехступенчатое управление: низшая административная единица – родовое правление, средняя ступень – инородная управа, высшая административная – Степная дума.

Такая система органов самоуправления не была идеальной, но она позволяла инородцам Хакасско-Минусинского края самостоятельно, в пределах своего ведомства, решать административные, хозяйственные, судебные, кроме уголовных, вопросы, а также заниматься развитием народного образования, здравоохранения, социальным призреванием и благотворительностью.

Таким образом, термин «инородцы», войдя в официальный обиход Российской империи для обозначения неславянских народов, с течением времени приобрел отрицательную коннотацию и зачастую неправильную интерпретацию. Предлагаемый современными исследователями многофакторный подход позволяет выстраивать объективную картину исторического контекста в отношении определения «свой/чужой», апеллируя к экономическим, политическим и социальным отношениям в России XIX в. При таких условиях правильное толкование термина «инородцы» приобретает важное значение для понимания аспектов историко-культурного развития, положения автохтонных народов и истории повседневности.

Библиографический список

1. Люцидарская А. А. От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 1995. Т. II. С. 165–169.
2. Игнаткин П. С. Собрательно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. // Исторический ежегодник. 2013: сб. науч. тр./ гл. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2013. Вып. 7. С. 153–154.
3. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I. Т. XXXVIII. СПб.: Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 1354 с.
4. Большая Российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2012436 (дата обращения: 20.09.2024).
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. Санкт-Петербург, 1893. Ст. 1104–1106.
6. Конева А. Ю. «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.
7. Ледовских А. Ю. Сибирские «инородцы» в исторической публицистике (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры, 2009. С. 347–351.
8. Ельницкий К. В. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России: этнографические очерки. Санкт-Петербург: Д. Д. Полубояринов, 1895. 136 с.
9. Панченко А. Б., Стафеев О. Н. Инородческий вопрос в дискурсах Российской империи: между потребностями государства и представителями общества // Вестник Томского государственного университета, 2018. № 436. С. 164–174.
10. Российская империя в зарубежной историографии. Антология: работы последних лет / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.
11. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати, вторая половина XIX – начало XX в. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Е. А. Сенина. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 319 с.
12. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2006. 343 с.
13. Тарасова М. В. Образ «инородца» в очерковом творчестве Н. А. Кострова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов VIII (XII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (15–17 апреля 2021 г.). Выпуск 22. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2021. С. 395–401.
14. Модорова А. П. Образ алтайцев в этнографических источниках второй половины XIX века // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох: сборник статей, посвященный 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2021. 924 с.